

Румер Годден

История Холли и Айви

Иллюстрации Марен Бризвальтер

Это история об исполнении желаний.
А ещё — о кукле и маленькой девочке.

Всё началось с куклы.

Её, конечно, звали Холли.

А как же иначе, ведь по случаю приближавшегося Рождества она была одета в красное платьице и красные туфельки, зелёную нижнюю юбку и зелёные носочки*.

Ростом около десяти дюймов**, эта кукла была сработана очень умело; у неё были золотистые волосы, карие стеклянные глаза и маленькие фарфоровые зубки, похожие на крохотные жемчужины.

Наступило утро сочельника, последнего дня перед Рождеством. Игрушки в магазине мистера Блоссом, расположенного в небольшом провинциальном городке, зашевелились и пришли в себя после долгой ночи.

— Сегодня нас должны купить, — говорили они.

— Сегодня? — переспросила Холли. Её достали из коробки лишь накануне, и она была самой новой игрушкой в магазине.

На улице шёл снег, но в витрине магазина игрушек было светло и тепло — здесь всю ночь горел свет. Волчки и мячи поблёскивали красными, жёлтыми и синими полосками; игрушечные поезда приготавливались кругами ходить по рельсам. На полках стояли пароходы и электрические лодки; на парусных кораблях были подняты белоснежные паруса. У каждой заводной игрушки был свой особый ключик; в коробках сияли игрушечные чайные сервизы. Здесь стояли самолёты и коляски для кукол; казалось, будто лошади-качалки гордо гарцуют, а плюшевые медведи тянут к стеклу витрины свои меховые лапы. Здесь были всевозможные мягкие игрушечные звери — кролики, львы и тигры, собаки и кошки и даже черепахи с панцирями. Куклы стояли на длинной стеклянной полке, украшенной блёстками и мишурой — пупсы и куклы-невесты в свадебных платьях в окружении подружек, одетых в платья самых разных цветов, кукла-мальчик в килте*** и ещё один мальчик в одежде

матроса. Одна кукла держала в руках перчатки, а другая — зонтик. Все они были очень красивыми, но ни одну из них до этого дня так и не купили.

— Сегодня нас должны купить, — говорили куклы.

— Сегодня, — повторила Холли.

Как и плюшевые медведи, куклы протягивали руки к стеклу витрины. Игрушки, конечно, мечтали о нас, людях, так же, как мы мечтали о них.

— Мы получим на Рождество мальчика или девочку, — говорили игрушки.

— И я получу? — спрашивала Холли.

— У каждого из нас будет дом.

— И у меня? — спрашивала Холли.

От сломанных кукол, которых приносили в магазин для починки, игрушки знали, что такое дом.

— Там есть тёплые камин и лампы, — рассказывали куклы, — а в комнатах много разных красивых вещей. Дети держали нас в руках, и мы чувствовали тепло их рук.

— Фу! Дети такие грубые, — фыркнул большой игрушечный филин, который сидел на искусственной ветке под куклами. — Они грубые. Они будут обнимать и тискать вас.

— Я хочу, чтобы меня обняли, — произнёс слонёнок.

— Дети ещё ни разу не держали нас в руках, — сказали два ма-

* Женское имя Холли произошло от названия растения (*англ.* holly — остролист). Во многих европейских странах остролист является традиционным рождественским растением и широко используется для изготовления рождественских украшений, а красный и тёмно-зелёный — цвета плодов и листьев остролиста — стали традиционными рождественскими цветами. — *Здесь и далее — примечания переводчика и редактора.*

** Около 25 сантиметров.

*** Традиционная одежда шотландских горцев, напоминающая юбку.

леньких бегемотика. Их туловища были сшиты из серого вельвета, а розовые разинутые вельветовые пасти были такими же широкими, как и туловища. Бегемотиков звали Мэллоу и Вэллоу. — Да, дети ещё ни разу не держали нас в руках.

Конечно, Холли тоже ещё ни разу не побывала в руках ребёнка.

Филина звали Абракадабра. Он был очень большим и важным и считал, что магазин игрушек принадлежит ему.

— Я думала, он принадлежит мистеру Блоссому, — сказала Холли.

— Ш-ш-ш! У-ху! — произнёс Абракадабра, который таким образом выражал негодование. — С какой это стати новая маленькая кукла осмелилась открыть рот?

— Не связывайся с ним. Не связывайся с ним, — предупредили Холли другие куклы.

У Абракадабры были широко расправленные крылья с жёлтыми и коричневыми отметинами, большой загнутый клюв и белые фетровые когтистые лапы. Над большими зелёными глазами филина торчали два длинных пучка чёрных перьев — они придавали Абракадабре грозный вид. У филина было отличное зрение; он прекрасно видел и днём, и ночью. Абракадабру боялись даже самые крупные игрушки. Каждый раз, когда филин подавал голос, круглые коренастые лапы Мэллоу и Вэллоу начинали дрожать.

— А вдруг он решит, что мы — мыши, — говорили Мэллоу и Вэллоу.

— Мои мыши, — добавлял Абракадабра.

— Мыши мистера Блоссоба, — возражала Холли.

Холли стояла на стеклянной полке совсем рядом с Абракадаброй. Филин смерил её взглядом своих больших зелёных глаз.

— Сегодня последний день для покупок, — сказал он. — Завтра магазин будет закрыт.

Все куклы вздрогнули, но Холли знала, что Абракадабра обращался именно к ней.

— Но сегодня сюда придут папы и мамы, — сказал слонёнок. Его звали Сморчком, потому что ткань на его шее и ногах собиралась в причудливые складки. На нём была ярко-красная фланелевая попона с колокольчиками, а хобот, рот и хвост загибались вверх, отчего слонёнок всегда выглядел жизнерадостным и неунывающим. У Сморчка были все основания радоваться жизни: на его попоне кра-

совалась бирка с пометкой «Продано». Его оставалось только упаковать.

— А меня тоже упакуют? — спросила Холли.

— Уверен, что так и будет, — ответил Сморчок. Он помахал Холли своим хоботом и сказал куклам: — А вас положат в рождественские носки*.

— О-о-ох! — с нетерпением вздохнули куклы.

— Или поставят под ёлку.

— А-а-ах! — вздохнули куклы.

— Но не всех вас купят, — сказал Абракадабра, и Холли знала, что филин имеет в виду именно её.

В замочной скважине послышался скрип поворачивающегося ключа: это мистер Блоссом пришёл открыть магазин. С ним пришёл Питер, мальчик, который помогал мистеру Блоссому.

— Сегодня у нас будет много работы, — произнёс мистер Блоссом.

— Да, сэр, — ответил Питер.

Куклы больше не могли разговаривать, но они шептались:

— Мы можем загадать желание. Мы должны загадать желание.

И Холли прошептала:

— Я хочу, чтобы...

— У-ху! У-ху! — заухал Абракадабра; он не боялся, что Питер и мистер Блоссом его услышат, ведь это был обычный звук, издаваемый игрушечной совой. — У-ху! У-ху!

Ни мистер Блоссом, ни Питер не догадывались, что такова была манера Абракадабры смеяться, но об этом знали все игрушки.

Игрушки думали, что у всех детей есть свой дом, но на самом деле он был не у каждого ребёнка.

В далёком городе стояло большое здание, которое называлось приютом святой Агнессы. Здесь жили тридцать сирот, мальчиков и девочек, но сегодня они на целых три дня уезжали из приюта.

— Одна добрая леди (или это мог быть джентльмен) пригласила тебя отпраздновать Рождество в её семье, — говорила детям мисс Шепард, присматривавшая за ними. Детей одного за другим забирала на Рождество в приёмные семьи, и вскоре в приюте не осталось никого, кроме мисс Шепард и Айви.

* В некоторых европейских странах накануне Рождества принято вешать у камина или в изголовье кровати носки, чтобы Санта-Клаус положил в них подарки.

Айви была маленькой девочкой шести лет с прямыми волосами и короткой чёлкой, серо-голубыми глазами и курносым носиком. Она носила зелёное пальто под стать её имени* и красные перчатки, но никто не пригласил её праздновать Рождество в своей семье.

— Мне всё равно, — сказала Айви, узнав об этом.

Временами Айви чувствовала в глубине души какую-то странную пустоту. Это ощущение причиняло ей мучительную боль, которая была такой острой, что Айви нужно было что-нибудь побыстрее сказать, чтобы не заплакать, и на этот раз она снова произнесла:

— Мне совершенно всё равно.

— Тебе будет не всё равно, — ответил ей последний оставшийся в приюте мальчик, Барнабас, ожидавший такси, которое должно было отвезти его в приёмную семью. — Кухарка ушла, горничные ушли, а мисс Шепард уезжает на Рождество к своей сестре. Тебе будет не всё равно.

— Нет, не будет, — произнесла Айви и быстро добавила: — Я поеду к своей бабушке.

— У тебя нет бабушки, — сказал Барнабас. — Ни у кого из нас нет бабушки.

Это была правда. У мальчиков и девочек из приюта святой Агнессы не было мам и пап, не говоря уже о бабушках.

— А у меня есть, — сказала Айви. — В Аплтоне.

Я не знаю, почему Айви назвала именно этот город. Может быть, она где-то слышала о нём. Она повторила:

— В Аплтоне.

— Держу пари, что нет, — ответил Барнабас и продолжал повторять это, пока за ним не приехало такси.

Когда Барнабас уехал, мисс Шепард сказала:

— Айви, мне придётся отправить тебя в наш Дом малютки.

— Малютки — это младенцы, — ответила Айви. — А я не младенец.

Но мисс Шепард сказала только:

— Тебе больше некуда пойти.

— Я поеду к моей бабушке, — сказала Айви.

— У тебя нет бабушки, — ответила мисс Шепард. — Мне жаль отправлять тебя в Дом малютки, потому что там очень скучно, и тебе не с кем будет поговорить, но я не знаю, как ещё поступить. У моей сестры грипп, и мне нужно ухаживать за ней.

— Я помогу вам, — сказала Айви.

— Ты тоже можешь заболеть гриппом, — ответила мисс Шепард. — Так не годится.

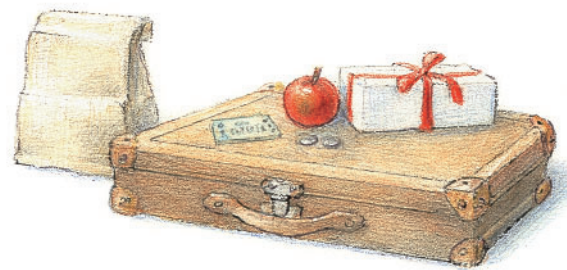
И она отвела Айви на станцию и посадила в вагон поезда.

Мисс Шепард поставила чемоданчик Айви на полку и дала ей пакет с сэндвичами, яблоко, билет, два шиллинга и свёрток, в котором был подарок на Рождество; на пальто Айви она булавкой прикрепила картонный ярлычок с написанным на нём адресом Дома малютки.

— Будь умницей, — сказала на прощание мисс Шепард.

Когда мисс Шепард ушла, Айви сорвала ярлычок и выбросила его в окно.

— Я поеду к моей бабушке, — сказала она.

Весь день в магазин игрушек приходили покупатели. Мистер Блоссом и Питер были так заняты, что им едва удалось выпить по чашке чая.

Сморчка упаковали и передали покупателю; плюшевых медведей и парусные корабли достали из витрины; кукол сняли с полок. Были проданы кукла-мальчик в килте, и кукла с перчатками, и пупсы, и куклы в свадебных платьях. Холли протягивала свои ручонки к стеклу витрины и улыбалась своей фарфоровой улыбкой. Каждый раз, когда к витрине подходила какая-нибудь девочка и смотрела на кукол, прижимаясь лицом к стеклу, Холли спрашивала:

— Ты моя рождественская девочка?

Каждый раз, когда дверь магазина открывалась, Холли была уверена, что теперь пришли именно за ней.

— Я здесь. Меня зовут Холли, — говорила она и загадывала желание: — Попроси купить тебе меня. Попроси снять меня с полки. Попроси!

Но никто так и не попросил об этом.

— У-ху! У-ху! — ухал Абракадабра.

* Айви (англ. Ivy) в переводе с английского — плющ.